

Материальная культура

В.А. КОЗЬМИН

МАЛИЦА В ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В состав оленеводческой культуры народов Западной Сибири входит единый тип мужской одежды – малица. Большинство исследователей, занимающихся историей одежды народов Западной Сибири, рассматривают малицу как одежду, с одной стороны, приспособленную к арктическим условиям (глухой тип), с другой, к оленеводческому быту, связанному с длительными переездами на нарте (удлинение стана за счет нашивания вставок и панды, капюшон, пришитые рукавицы, возможно, способ ношения с напуском на груди),¹ то есть, это одежда, приспособленная к оленеводческому быту (Рис.1).

Тем не менее, вышеприведенной оценкой проблема не исчерпывается. В настоящее время актуальными являются такие вопросы как генезис одежды глухого типа в целом и малицы в частности, историческое соотношение малицы с другими разновидностями глухой одежды у народов Западной Сибири, характер распространения малицы и ее функция в культуре народов Западной Сибири.

Одежда, как и прочие элементы культуры жизнеобеспечения, обладает повышенной функциональностью, которую принято интерпретировать как с точки зрения ее соответствия экологическим условиям, так и образу жизни конкретного этноса.² Именно это положение и выступает в качестве методического основания исследования истории глухой одежды народов Западной Сибири.

Влияние экологического фактора состоит в том, что предки всех современных народов западносибирского региона, как выходцы с более южных территорий, в прошлом имели только распашную одежду, которая на Севере была заменена глухой. Представления о характере таких замен, в зависимости от представлений об облике одежды аборигенов Арктики, могут меняться.

Козьмин В.А.

В частности, Н.Ф. Прыткова считала, что исходный тип одежды самодийцев был распашным. Она рассматривала формирование современного облика этой одежды как следствие приспособления "к местным условиям по линии удлинения и утепления ее, но наряду с ней создана была другая мужская одежда — глухая." Появление последней, по ее мнению, было связано с "новой производственной практикой — санным оленеводством, так как при пастушестве с нартой одежда должна была быть более длинной и теплой и предохранять ноги от сильного холода".³ В истории формирования ненецкой одежды Н.Ф. Прыткова выделяет три генетических слоя — старосамодийский (обернутая), угорский (туникообразная), аборигенный (глухая). Причем, при сопоставлении ее с комплексом чукотско-коряцкого костюма она отмечает сходство, являющееся свидетельством существования "в далеком прошлом некоего общего источника происхождения этой и другой одежды, ... это одежда каких-то групп древних арктических аборигенов".⁴

Рис. 1. Ненецкая малица
(по: Гарин Н. Малица // Северные просторы, 1991, февраль)

Малица в оленеводческой культуре

В статье Н.Ф. Прытковой, подготовленной в 1965 г., но опубликованной уже посмертно в 1976 г., последнее утверждение выглядит более категорично – "следовательно, первоисточник – древняя глухая одежда по-видимому, принадлежала предкам северо-восточных палеоазиатов и в какое-то время при встрече и общении их с предками самодийских народов была заимствована последними".⁵ Учитывая то, что в публикации 1970 г. данное положение отсутствует, очевидно, что в приведенной цитате нашло представление о единстве элементов культуры циркумполярного субстрата, который чаще возводился к палеоазиатской традиции.⁶ Судя по имеющимся фактам, основой формирования малицы являлась распашная одежда, переконструированная по типу аборигенной (глухая, мехом внутрь). В настоящее время накоплено большое количество фактов наличия вертикального шва спереди и даже сзади на малицах таежного населения Западной Сибири – лесных ненцев,⁷ восточных хантов,⁸ по нашим наблюдениям, у тазовских селькупов. Причем, в последнем случае вертикальный шов мог делаться и на сокуе. Этот конструктивный прием рассматривается как свидетельство стадии перехода от распашной одежды к глухой.⁹ Наряду с такой оценкой признака, можно отметить его ситуационную обусловленность. В частности, Н.В. Лукина отмечает, что "красивой считалась малица с вертикальным швом", а наличие шва сзади мастерица объяснила нехваткой шкур".¹⁰ Селькупы объясняли присутствие шва либо, как и в предыдущем случае, нехваткой сырья, либо тем, что "иногда делают просто так, по желанию".

Ю.Б. Симченко считал, что глухая одежда представляет пример локальной адаптации и связывал ее генетически с культурой морских зверобоев. Для континентальных охотников "наиболее удобной оказывается распашная одежда с нагрудником."¹¹ Реликты такой одежды фиксируются в конструкции энецко-нганасанской парки. Г.Н. Грачева отметила наличие в оформлении одежды нганасан и энцев следов приспособления для переноски грузов.¹² По аналогичной схеме Ю.Б. Симченко считал возможным проследить генезис как чукотско-корякского, так и самодийского (малица) комплексов одежды, допуская сосуществование в одежде древних уральцев и распашных и глухих типов.¹³

Козьмин В.А.

В оценке схемы Ю.Б. Симченко заслуживает внимания точка зрения Н.В. Лукиной об "искусственности" его построения, поскольку нагрудник, как элемент костюма у народов Западной Сибири не распространен.¹⁴ Вероятно, в обоих случаях (ненецкая малица и энецко-нганасанская парка – *лу*) имела место адаптация к условиям Арктики распашной одежды через ее превращение в глухую на разных конструктивных основаниях, что позволяет высказать предположение, что в качестве эталона глухой одежды не обязательно должны выступать именно арктические прототипы.

У жителей Западной Сибири встречаются разнообразные типы глухой одежды – малица, куныш, сокуй (гусь), парка. Некоторые из них, судя по современным представлениям, с тундровой культурой не связаны. В частности, это относится к парке, которая была распространена у северных хантов,¹⁵ ненцев Ямала и восточных тундр,¹⁶ северных и западных манси.¹⁷ Распашные парки были известны селькупам¹⁸ и кетам.¹⁹ У восточных хантов парка не зафиксирована. В генетическом плане ее формирование связывается с северо-угорской средой.²⁰

За исключением Н.Ф. Прытковой, которая ранее рассматривала парку в качестве "творчески переработанной хантами ненецкой малицы",²¹ впоследствии и она и многие исследователи, занимающиеся историей одежды народов Западной Сибири, пришли к заключению, что парка, как одежда глухого покроя, сшитая из оленьих шкур, генетически может быть связана с достаточно древним пластом дооленево-дооленинского населения Западной Сибири. Ю.Б. Симченко отмечал, что термин "парка" представляет общий корень для названия "одежды вообще" у уральских народов как вышедших в тундру и ассимилировавших аборигенов, так и не контактирующих с ними.²² Е.Г. Федорова по особенностям конструкции парки и сокуя (мехом наружу, выкраивание затылочной части капюшона и спинки из одной шкуры) связывает происхождение парки с таежными промысловыми культурами, которым была известна одежда-скрад.²³ Это предположение подтверждается нормой орнаментирования парки, по типу женского угорского саха и ненецкой паны второго типа (по Н.Ф. Прытковой), распространение которой у ненцев связывается с родами хантыйского происхождения.²⁴

Малица в оленеводческой культуре

Еще один вариант глухой одежды у народов Западной Сибири представлен сокуем или совиком. В различных конструктивных версиях он известен ненцам – *савак*, *соок* (тундровые), *кумишим*, *кумишин* (лесные), северным хантам – "*гусь*", *кусь*, северным и западным манси – *пун кувц*, восточным хантам – *молывси* (Вах), *куныши* (Салым, Сургут), кетам и селькупам – *сокуй*.²⁵ Универсальность применения этой одежды у перечисленных выше народов как дорожной, которая одевается поверх малицы при езде на оленях, функционально связывает ее именно с оленеводческой культурой. В то же время вопрос о генезисе совика окончательно не решен. Так, отмечаются конструктивные соответствия восточнохантыйского куныша, ненецкого совика II типа (по Н.Ф. Прытковой) и, отчасти, нганасанско-энецкой одежды.²⁶ По особенностям кроя затылочной части капюшона и спинки он соответствует североугорской парке. Возможно, что именно они наследуют конструктивные особенности таежной меховой одежды уральцев.

В отличие от парка и совика, которые имеют узкую культурную функцию дорожной одежды и генетически могут быть связаны с доолениводческой культурой, малица, вероятно, формировалась именно как одежда оленеводов тундры. Е.Г. Федорова при сопоставлении кроя парка и малицы пришла к заключению о том, что они имеют разные источники происхождения.²⁷ В то же время, неоднократно обращаясь к вопросу об участии угорского населения в сложении одежды из оленьих шкур, исследовательница считает такое участие вполне вероятным, особенно в отношении женских распашных шуб; формирование мужской одежды глухого кроя она связывает не только с ненцами и обскими уграми, но и "самодийско-обско-угорским населением, охотниками на дикого оленя".²⁸ С другой стороны, Е.Г. Федорова положительно оценивает гипотезу Н.В. Лукиной об участии предков обских угров в формировании малицы. Это касается скорее перспектив исследования,²⁹ чем его итогов. В частности, Н.В. Лукина достаточно определенно утверждает, что современный уровень накопления фактов позволяет "говорить о происхождении малицы у хантов".³⁰

Из чего исходит Н.В. Лукина в установлении хантыйских истоков малицы. Во-первых, из предположения Н.Ф. Прытковой о наличии в ненецкой одежде конструкции "туникообразного"

Козьмин В.А.

кроя, который является типичным для угров. Но, Н.Ф. Прыткова пишет о *глухой* одежде вообще.³¹

Во-вторых, из конструктивных соответствий ненецкой малицы I типа (по Н.Ф. Прытковой) со швами в плечах и боках стана с угорской, а последней – с распашной одеждой обских угров в целом. К числу таких соответствий она также относит "выполнение конструктивных швов с прокладкой полосок из ярких сукон," наличие у обских угров малиц с передним вертикальным швом, общности лексики угров и самодийцев в обозначении малицы.³²

Обращение к конкретным фактам, которыми оперирует Н.В. Лукина, на наш взгляд, не позволяет интерпретировать их столь однозначно.

– Описание хантыйской малицы, которое приводит Н.Ф. Прыткова, нельзя признать удачным (шкура оленей разных возрастов, надставка стана). Судя по всему, описан единичный экземпляр, который представлен в качестве типичного. По нашим полевым материалам, у северных хантов распространены оба типа малицы, известные у тундровых ненцев. Те же два типа отмечены и у манси, причем малица с боковыми швами у манси распространена меньше³³;

– Универсальность малицы со швами в плечах и боках стана для восточных хантов не абсолютна. Аганская малица "имеет продольный шов впереди, а также швы на плечах"³⁴ (обернутый тип ? — В.К.). Малица ваховских хантов имела как цельные, так и составные спинку и перед. "В боковой части в стан и рукава вшивались широкие клинья (II тип самодийской малицы, по Н.Ф.Прытковой ? – В.К.), но они могли и отсутствовать (I тип самодийской малицы, по Н.Ф.Прытковой ? – В.К.)".³⁵ Только у сургутских и салымских хантов основу малицы составляли "перед и спинка со швами на плечах и боках".³⁶ Нелишне заметить, что распашная одежда ваховских хантов, как и парки у селькупов и кетов, шьется мехом наружу;

– Как отмечалось выше, передний шов на малице не является особенностью кроя именно восточнохантыйской малицы, он известен на малицах лесных ненцев и селькупов;

– Прокладка швов в малице (подшейный олений волос, сукно) - следует заметить, что в других типах глухой одежды такая технология не применяется - всегда объясняется необходимо-

Малица в оленеводческой культуре

стью ее утепления,³⁷ либо повышения эластичности швов,³⁸ что, впрочем, не исключает возможности декорирования.³⁹

Эти факты не согласуются с мнением Н.В.Лукиной о южных корнях данной традиции. Названные противоречия, на наш взгляд, не позволяют безоговорочно согласиться с предложенной гипотезой о хантыйских, как единственно возможных, истоках малицы.

Проблема происхождения одежды глухого типа и ее связь с оленеводческой культурой, вероятно должна решаться не в отношении такого типа вообще, а применительно к конкретным его видам. Фактура материала и возможности его кроя (оленьи шкуры), особенности конструкции в соответствии с потребительскими свойствами (защита от холода) порождают возможность конвергенции. В этой связи весьма показательно конструктивное сходство и состав костюма северных самодийцев и северо-восточных палеоазиатов.⁴⁰ Более того, с развитием оленеводства степень такого сходства может повышаться.

Для населения тайги при изготовлении одежды характерен принцип комбинирования материалов. В тундровой зоне вырабатываются своеобразные стандарты – конструирование стана из целых шкур определенного качества: пыжик, неблюй, "зимняя постель"; головных уборов из пыжика, либо шкуры, снятой с головы оленя; обуви и рукавиц из камуса; подошвы из "лбов" и "щетки". Эту, весьма точно отмеченную стратегию развития костюма северян, Е.Г. Федорова справедливо связывает с развитием оленеводства и оленеводческой культуры в целом.⁴¹ Она считает, что проблема возникновения глухой одежды у тундрового населения Сибири не может быть решена через предпочтение одной из двух точек зрения, сложившихся в историографии – глухая одежда входит в арктический комплекс и заимствуется предками современных народов севера Западной Сибири, либо она формируется вследствие адаптации одежды пришельцев к новым климатическим условиям. Последнее положение базируется, в том числе, и на факте существования массы локальных особенностей в конструкции глухой одежды, которые могут восходить к этноспецифическим локальным традициям.⁴²

Историю комплекса мужского костюма оленеводов Западной Сибири можно рассматривать с точки зрения его функциональности. Несмотря на то, что он двойной (малица + сокуй),

Козьмин В.А.

можно отметить усиление свойств универсальности малицы и ограничение функций сокуя, как исключительно дорожной одежды. Исходное состояние малицы как нательной "внутренней" одежды – "маличная рубаха", может быть зафиксировано такими ее универсальными признаками как небольшая длина, отсутствие капюшона и рукавиц (встречаются варианты малиц без рукавиц и сокуя с рукавицами), то есть тех деталей, которые присутствуют на сокуе. Переход этих деталей верхней одежды – сокуя на малицу, делает ее вполне самостоятельной одеждой, адаптированной к оленеводческому быту, связанному с круглогодичной нартенной ездой.

Дополнительным подтверждением справедливости отмеченной тенденции является пояс, который всегда носится на малице и позволяет, во-первых, создавать напуск на груди, в который помещаются небольшие предметы (трубка, кисет и т.п.)⁴³ – аналогичный способ подпоясывания известен и чукчам⁴⁴ –, во-вторых, трансформировать длину, особенно летней малицы, когда при пешем передвижении по мокрой тундре ее подол может укорачиваться до середины бедра. С другой стороны, в описаниях⁴⁵ и на изображениях малицы,⁴⁶ а также в ходе экспедиционных работ, наблюдая расположение предметов на поясе, мы неоднократно обращали внимание на положение ножа – он не имеет постоянного места и может крепиться как справа, так и слева. В связи с "праворукостью" непонятно весьма частое его "неудобное" положение справа. Объяснение этому мы получили от ямальских ненцев. "Мы носим нож так, потому что мы оленеводы". Действительно, из объяснений следует, что при левосторонней посадке на нарту, обязательной для самодийского типа упряжного оленеводства, при передвижении по неровной дороге, нож может выпасть из ножен, но упадет не на землю (в случае левостороннего его крепления на поясе), а на сидение нарты. То же самое и при использовании аркана. Если он бросается не широким замахом с правого плеча, а с пояса, из-под левой руки, он может зацепиться за нож. В данном случае мы видим наглядный пример формирования особенностей именно оленеводческого костюма.

Усиление роли малицы как единой и универсальной мужской одежды можно рассматривать и через общую стратегию истории материальной культуры кочевников – портативность, по-

Малица в оленеводческой культуре

лифункциональность, стереотипность технологических решений. Такое состояние ненецкой культуры очень точно подмечено А.В.Головневым:

"Чум служит «самой верхней из одежд» для кочующей семьи, а одежда – «маленьким чумом». Когда оленевод, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимняя одежда надевается в той же последовательности, что и покрывки чума: сначала обращенная мехом внутрь малица (как *мюйко* чума), затем широкий, мехом наружу, совик-гусь (как внешний нюк *ея*). Из двух слоев — внутреннего (чулки *либт*) и внешнего (пимы *пива*) — состоит и обувь. Особенно часто пользоваться одеждой вместо чума приходится мужчинам. ... Когда оленевод возвращается к своему чуму, он снимает совик-гусь, оставляет его на улице и входит в жилище уже «полураздетый» — в малице. В чуме мужчина снимает с себя малицу, меняет кисы на домашние *мякэця* (старые меховые пимы). Свернутый пояс с амулетами и ножами он кладет в изголовье своей постели. Ложась спать, он укрывается *мякы то'* (женской ягушкой-одеялом). Таким образом, при переходе с улицы в чум он полностью меняет обличье, становясь *мякэ* (домашним, чумовым) и отдаваясь на время под покровительство женщины и очага".⁴⁷

Очевидно, что такая гармоничность и функциональная сопряженность позволяет оценивать комплекс малица – сокуй как элемент оленеводческой культуры ненцев.

У других народов Западной Сибири можно отметить как региональную ограниченность этого комплекса, так и его сосуществование с другими типами одежды, на которые он оказывает влияние, а также повсеместную его связь с транспортной составляющей оленеводства тайги.

Так, у манси он известен у западных и северных групп и генетически связывается с комплексов элементов культуры кочевого таежного и тундрового населения.⁴⁸

У северных хантов он имеет повсеместное распространение, причем явно доминирует, о чем свидетельствует вытеснение им из угорского комплекса глухой одежды – малица, парка, сокуй – парки, которая замещается малицей, а также примеры ношения женщинами в качестве зимней одежды мужской малицы.⁴⁹

В восточнохантыйском регионе "глухая одежда была распространена почти исключительно на правобережных притоках Оби, а на левобережье, на Югане, встречался лишь кумыш из

Козьмин В.А.

шкур".⁵⁰ Как отмечает Е.П. Мартынова, малица в пимско-аганском ареале выступает в качестве этнического идентификатора. В частности, юганские ханты считали ее предназначенной для езды на оленях, а также принадлежностью культуры пимских и других правобережных групп хантов.⁵¹ В восточнохантыйском регионе можно отметить принцип ненормированности применения материала, из которого шьется малица. На Пиме – из птичьих шкурок, простеганных тканью, либо комбинированием птичьих шкур с мехом оленя. На Вахе "особенно ценились малицы из собачьих шкур с более прочным ворсом, встречаются малицы из лебяжьих шкур".⁵²

Сходную картину состояния комплекса одежды тундровых оленеводов можно наблюдать у кетов и селькупов. В частности, Е.А. Алексеенко отмечает, что глухая одежда была известна не всем группам кетов, ее чаще покупали, а по крою и названию она не отличалась от северосамодийской.⁵³ Несмотря на то, что глухая одежда и, в частности, сокуй могла даже украшаться в соответствии с кетской традицией,⁵⁴ общая оценка данного комплекса в культуре кетов заключается в том, что "заимствование глухой одежды у самоедоязычных соседей не подлежит сомнению. Достаточно сослаться на самодийские названия этой одежды, вошедшие в кетский язык почти без изменений. Слабое распространение глухой одежды и обусловленность ее использования транспортным оленеводством, говорят о позднем ее появлении у кетов в условиях Енисейского Севера".⁵⁵

Н.Ф. Прыткова отметила аналогичное состояние одежды селькупов. С одной стороны, это сохранение даже в условиях Севера распашных форм, с другой, частичное изменение состава селькупского костюма под влиянием ненцев, в частности, появление сокуя как дорожной одежды глухого типа.⁵⁶

Таким образом, проблема истории костюма оленеводов Западной Сибири и, прежде всего, комплекса глухой одежды, как и в случае с оленьим транспортом и чумом, должна быть разделена по признакам генезиса и эволюции. Одежда типа сокуя и угорской парки представляется достаточно древним типом, восходящим, вероятно, ко времени культуры охотников на дикого оленя. Этот тип одежды формировался именно как верхняя и, вероятно, дорожная одежда. В последнем случае это вполне соответствует представлениям о корреляции культуры охотников на

Малица в оленеводческой культуре

дикого оленя с начальными формами транспортного оленеводства, возможно с упряжным собаководством. Последнее, кроме того, является неперенным атрибутом культуры речных рыболовов – хозяйственно-культурного типа, в прошлом достаточно широко представленного в бассейне Оби.

Вероятно, несколько иначе обстояло дело с малицей. Генетически это могла быть внутренняя одежда небольшой функциональной значимости – только в двойной зимней, при наличии распашного летнего костюма. Гипотезу об изначальном бытовании в Арктике и, в частности у древних уральцев, как глухой, так и распашной одежды в свое время предложил Ю.Б. Симченко.⁵⁷ Впоследствии, в процессе становления тундровой кочевой оленеводческой культуры она "подстраивается" дополнительными конструктивными элементами – капюшон, рукавицы, удлинение подола и дополнительное нашивание "панды" утяжелителя, герметизация швов, расширение проймы и ношение с напуском – и превращается в универсальную межсезонную одежду, а сокуй и парка фактически остаются функциональными в экстремальных условиях очень низких температур при длительной езде на оленьей упряжке.

В таком контексте встречаемость вертикального шва в малицах лесных ненцев, селькупов и восточных хантов – не столько генетический признак, сколько дань "региональной моде" в конструкции "олeneводческого костюма", тем более, что, за исключением лесных ненцев, у других народов Западной Сибири малица вполне "мирно" сосуществует с мужской распашной одеждой.

Именно этот универсальный костюм, полностью сформировавшийся в условиях оленеводческого быта тундровых ненцев, получил распространение среди таежного населения в виде составляющей региональной оленеводческой культуры. Немаловажным обстоятельством является и то, что малица это не просто одежда, это, прежде всего, производственная мужская одежда. Ее распространение вместе с оленеводством хорошо согласуется с некоторыми общими положениями проблемы культурных заимствований: в частности о том, что заимствование мужской одежды происходит с проникновением в культуру народа новых хозяйственных занятий, которые требуют соответствующего костюма, а также, условно говоря, о "надэтничности" производст-

Козьмин В.А.

венной и дорожной одежды, благодаря их особой функциональности.⁵⁸ Последнее свойство способствует быстрому ее восприятию и адаптации культурой реципиента; собственно этнические признаки здесь производны и могут встраиваться в заимствованное явление.

Примечания

¹ *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976, с.89; *Васильев В.И.* 1) Экологический фактор и некоторые проблемы культуригенеза северных самодийцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979, с.103; 2) Проблемы этногенеза северосамодийских народностей (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера М., 1976, с.65; 30; 3) Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979, с.68.

² *Федорова Е.Г.* Экологический аспект изучения одежды населения тундровой зоны Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. СПб., 1995, с.121.

³ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970, с.93.

⁴ Там же, с.94.

⁵ *Прыткова Н.Ф.* Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Севера и Сибири, с.88.

⁶ *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976, с.7-22.

⁷ *Хомич Л.В.* Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев, с.203; *Каранетова И.А.* Одежда лесных ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов, с.45-46.

⁸ *Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М.* Ханты р. Аган // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. с.151-152; *Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985, с.46.

⁹ *Хомич Л.В.* 1). Проблемы этногенеза ... С. 87; 2). Некоторые особенности ..., с.203-204.

¹⁰ *Лукина Н.В.* Формирование ..., с.46.

¹¹ *Симченко Ю.Б.* Указ. раб., с.174.

¹² *Грачева Г.Н.* К семантике оформления одежды у нганасан и энцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов, с.40-44.

¹³ *Симченко Ю.Б.* Указ. раб., с.174, 179-180, 182.

¹⁴ *Лукина Н.В.* Указ. раб., с.186-190.

- ¹⁵ *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // Сб. МАЭ. 1953. Вып. XV. С. 153-154.
- ¹⁶ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов ... С. 14.
- ¹⁷ *Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. С.129.
- ¹⁸ *Прыткова Н.Ф.* Указ. раб., с.82-83
- ¹⁹ *Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, с.134-137
- ²⁰ *Лукина Н.В.* Формирование ..., с.193.
- ²¹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов, с.154.
- ²² *Симченко Ю.Б.* Указ. раб., с.182.
- ²³ *Федорова Е.Г.* Указ. раб., с.131, 211-212.
- ²⁴ *Федорова Е.Г.* Экологический аспект ..., с.133.
- ²⁵ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы ..., с.14-21; *Хомич Л.В.* Ненцы. СПб., 1995, с.132; *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов, с.154-155; *Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки ..., с.132; *Лукина Н.В.* Формирование ..., с.192-193; *Алексеев Е.А.* Кеты, с.138.
- ²⁶ *Лукина Н.В.* Указ. раб., с.193.
- ²⁷ *Федорова Е.Г.* Указ. раб., с.131.
- ²⁸ *Федорова Е.Г.* 1) Указ. раб., с.176-177; 2) О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995, с.196-197.
- ²⁹ *Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки ..., с.126.
- ³⁰ *Лукина Н.В.* 1) Указ. раб., с.187-188; 2) *Лукина Н.В.* Исторические формы и преемственность в традиционной культуре восточных хантов. Автореф. докт. дисс. М., 1985, с.13.
- ³¹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов ..., с.93-94.
- ³² *Лукина Н.В.* Формирование ..., с.122-124.
- ³³ *Федорова Е.Г.* Указ. раб., с.122-124.
- ³⁴ *Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М.* Ханты р. Аган, с.151-152.
- ³⁵ *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977, с.86-87.
- ³⁶ *Лукина Н.В.* Указ. раб., с.46.
- ³⁷ *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов, с.150; *Федорова Е.Г.* Экологический аспект ..., с.123.
- ³⁸ *Гарин Н.* Малица // Северные просторы. 1991. Февраль С. 24.
- ³⁹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов ..., с.8-10.

⁴⁰ *Прыткова Н.Ф.* 1) Одежда народов ..., с.94; 2) Одежда чукчей ..., с.86-87.

⁴¹ *Федорова Е.Г.* Экологический аспект ..., с.161-163.

⁴² Там же.

⁴³ *Хомич Л.В.* Ненцы. СПб., 1995, с.130; *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов, с.150-151.

⁴⁴ *Прыткова Н.Ф.* Одежда чукчей ..., с.12.

⁴⁵ *Карапетова И.А.* Одежда лесных ненцев, с.46.

⁴⁶ *Хомич Л.В.* Ненцы, с.138. Рис. 31; *Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки ..., с.132. Рис. 12 а; *Лукина Н.В.* Формирование ..., с.347. Рис. 20, 5; Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Приложение. Томск, 1986, с.30(258). Рис. XXX-1.

⁴⁷ *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995, с.209, 211.

⁴⁸ *Федорова Е.Г.* Там же.

⁴⁹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов, с.154, 192-193.

⁵⁰ *Лукина Н.В.* Указ. раб., с.46.

⁵¹ *Мартынова Е.П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998, с.157.

⁵² *Лукина Н.В.* Указ. раб., с.46; *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Указ. раб., с.86-87.

⁵³ *Алексеев Е.А.* Кеты, с.138.

⁵⁴ *Федорова Е.Г.* Украшение верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. 1988. Вып. XLII, с.93.

⁵⁵ *Алексеев Е.А.* Указ. раб., с.142.

⁵⁶ *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы ..., с.97-98.

⁵⁷ *Симченко Ю.Б.* Культура охотников ..., с.182.

⁵⁸ Названные положения в отечественной литературе достаточно отчетливо были выражены недавно Е.Г. Федоровой. См.: *Федорова Е.Г.* Экологический аспект ..., с.121, 163.